

	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Проект</td> <td style="text-align: center;">«Реальная война»</td> </tr> </table>	Проект	«Реальная война»	
	Проект	«Реальная война»		
<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Цикл передач</td> <td style="text-align: center;">«Вопросы историкам»</td> </tr> </table>	Цикл передач	«Вопросы историкам»		
Цикл передач	«Вопросы историкам»			
<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Материал</td> <td style="text-align: center;">Стенограмма ПЯТОГО выпуска</td> </tr> </table>	Материал	Стенограмма ПЯТОГО выпуска		
Материал	Стенограмма ПЯТОГО выпуска			
<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;"> <p><i>Творческая группа</i></p> <p><i><u>СпецИстория</u></i></p> </td> <td style="text-align: center;"> <table border="1"> <tr> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	<p><i>Творческая группа</i></p> <p><i><u>СпецИстория</u></i></p>	<table border="1"> <tr> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> </tr> </table>		
<p><i>Творческая группа</i></p> <p><i><u>СпецИстория</u></i></p>	<table border="1"> <tr> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> <td style="width: 50px; height: 30px;"></td> </tr> </table>			

<p><u>Морозов</u></p> <p><u>Мирослав Эдуардович</u></p>	<p>кандидат исторических наук, главный научный сотрудник НИИ Военной истории ВАГШ ВС РФ</p>	<p>далее Морозов</p>
<p><u>Куманев</u></p> <p><u>Георгий Александрович</u></p>	<p>доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН</p>	<p>далее Куманев</p>
<p><u>Сапрыкин</u></p> <p><u>Максим</u></p>	<p>Ведущий</p>	<p>далее Ведущий</p>

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Вопросы историкам» в рамках проекта «Реальная война». Выпуск пятый.

Ведущий: Здравствуйте, дорогие друзья. В рамках проекта «Реальная война» мы продолжаем цикл передач «Вопросы историкам». Не секрет, что против нашей исторической памяти ведётся очень мощная информационная война. Так вот, развеять мифы и воссоздать историческую правду, – именно эти цели мы ставили перед собой, снимая наши передачи. Итак, в студии я, Максим Сапрыкин, и наш сегодняшний гость – полковник, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института военной истории Военной академии Генерального

штаба Морозов Мирослав Эдуардович. Мирослав Эдуардович, здравствуйте.

Морозов: Здравствуйте.

Ведущий: Итак, вопрос – роль политорганов в первый период войны, то есть действия военкомов, комиссаров в период 41-42-го года.

Морозов: На протяжении всей Великой Отечественной войны политические органы играли, безусловно, значительную роль. Но вот именно первый период – с чем, видимо, связан этот вопрос – менялась их статусность. То есть содержание работы и задачи оставались практически неизменными на протяжении всей войны, а вот правовое положение военного комиссара – оно, да, действительно, менялось. Что конкретно происходило? В июле 41-го года было отменено единоначалие в Красной Армии и введён институт военных комиссаров. Это под собой подразумевало то, что все решения командира отныне должен был утверждать находившийся при нём штатный военный комиссар. То есть даже под любым приказом ставилось две подписи. И в отсутствие комиссара или, допустим, если он не одобрял то, что делал командир, – один командир принять решение не мог. Как это объяснялось в директиве, которая всем этим вводилась, речь идёт не о недоверии командирам, которые воспитаны советской властью, а для повышения, для улучшения партийного руководства. А если называть вещи своими именами, то во избежание приказов, которые давали командиры, руководствуясь тактической обстановкой, на отход своих подразделений. Или, ещё хуже, что иногда происходило, командир не мог справиться с ситуацией и узаконивал своим приказом неконтролируемое отступление или, проще говоря, бегство своего подразделения. Если приказа вышестоящего руководства на это не было, военный комиссар должен был взять ситуацию в свои руки вплоть до отстранения командира от командования. И такие случаи бывали и не только в таких ситуациях, когда было бегство

подразделения, и командир не мог справиться с ситуацией, в некоторых других тоже ситуациях. Соответствующим образом проинформировать вышестоящее командование, взять командование на себя. Или передать командование, допустим, заместителю командира, который является по командному профилю, по своей подготовке (потому что сами политработники, как правило, военной подготовкой не блистали) передать его тому лицу, которое может осуществить командование. Вот таким вот образом. Значит, конечно, в рядах Красной Армии и среди красноармейцев многое вызвало недоумение, а среди командиров, многие из которых потом написали свои замечательные мемуары в послевоенный период, – это было воспринято вообще, как прямое оскорбление, нарушение их функций и так далее, и так далее, и так далее. Тут ещё такой подтекст существовал. Дело в том, что буквально накануне начала Великой Отечественной войны уже единоначалие один раз отменялось. Речь шла о 37-м годе, когда тоже был введён институт военных комиссаров, отменённый затем в 40-м году. Тогда тоже была такая же ситуация, и связана она была действительно с вот этой вот «охотой на ведьм» общеизвестной, с репрессиями. И, естественно, когда в июле 41-го года снова произошло введение института военных комиссаров, многим показалось, что это, значит, сейчас произойдёт повторение вот этой самой «охоты на ведьм», начнутся массовые репрессии, аресты и так далее. Ничего этого не произошло, хотя, безусловно, по условиям боевой обстановки, если командир не справлялся с поставленными задачами, – его подразделение отступало или он сам отдавал приказ вразрез с указаниями вышестоящего командования на оборону, начинал отступать ... К стати говоря, конечно, в целом ряде случаев приказы об отступлении были обоснованы – тактическую обстановку командир читал правильно, а вышестоящее командование, наоборот, не располагало данными об обстановке на участке данного подразделения, части или соединения. Или,

что хуже, руководствовалось указаниями Ставки, Генерального штаба, которое считало – ну, как например, это было на начальном этапе операции «Тайфун» – немецкого наступления под Москвой, когда в окружение, как вы знаете, попало 4 армии из состава Западного и резервного фронтов и 3 армии из состава Брянского фронта. 5 армий были уничтожены практически полностью – там потери пленными составили больше 670 000 военнослужащих (только пленными) – тогда главной причиной этого отступления стал тоже жёсткий приказ Генерального штаба: «Не отступать, удерживать не атакованные немцами участки». В результате немцы вышли уже 7-8 октября, начали они наступать только 2-го, то есть фактически 5-6 дней у них потребовалось, чтобы замкнуть клещи окружения в районе Вязьмы. Поэтому, вот в такие ситуации иногда попадая, политработники реализовывали те решения вышестоящего командования, которым лучше бы, конечно, не реализовываться. И за это тоже потом, в отражении общественного мнения, в отражении тех, кто (генералов, офицеров) написал мемуары после войны, политработники выглядели чёрной краской. Но так ли уж чёрной была на самом деле их роль? Я считаю – нет. И моё мнение определяется следующими очень, на мой взгляд, важными положениями: что, к сожалению, Красная Армия накануне Великой Отечественной войны имела огромный кадровый рост. Если у нас на начало 36-го года было примерно 120 тысяч лиц комсостава в составе рабоче-крестьянской Красной Армии, то к началу войны было уже 580. То есть более чем четырёхкратное увеличение за 4 года. В акте о приёме должности Наркома обороны, когда должность эту слагал с себя, Тимошенко принимал, то есть слагал с себя Ворошилов, принимал Тимошенко в мае 40-го года, отмечалось, что 70% комсостава Вооружённых Сил не имеют военного образования. Переводя на русский язык, – они не оканчивали военных школ, – они были призваны из запаса. А кем они были в запасе? Ведь общеизвестно, что всеобщая воинская

повинность в Советском Союзе была введена только 1-го сентября 39-го года. Это были просто лица с высшим образованием, не имевшие, кстати, никакой – даже начальной – военной подготовки. Они не то, что не могли руководить своими подразделениями – они даже (многие из них), не знали просто даже как стрелять из штатного оружия, как его чистить, обслуживать и так далее. Поскольку, такие вот лица, попадая в Вооружённые Силы, не успев пройти необходимый ценз на предыдущей должности, зачастую выдвигались на следующие должности ... С одной стороны репрессии, чего греха таить, этому способствовали. С другой стороны – формирование всё новых и новых дивизий, развёртывание в 40-м году – в 41-м году 9 механизированных корпусов, в каждом из которых по штату было 1031 танк и огромное количество должностей офицерского состава, увеличение в 2,5 раза с 39-го по 41-й год Военно-воздушных сил Красной Армии, – то есть вот эти вот лакуны надо было кем-то заполнять. И лица зачастую ... вот его ... он заканчивает курсы младших лейтенантов, его направляют на должность командира взвода стрелкового дивизиона. Он туда приезжает, а выясняется, что в том полку, куда он прибыл служить, не хватает командиров батальонов. То есть не то, что даже командиров рот, а даже командиров батальонов. И он сразу после окончания курсов младших лейтенантов становится командиром батальона. Затем он, допустим, через год нахождения в этой должности (ему там присваивается несколько воинских званий) уже утверждается как командир батальона, потом становится командиром полка и даже дорастали до командиров дивизии некоторые. Поэтому, честно говоря, вот в условиях этого неконтролируемого роста Вооружённых сил на должностях офицерского состава, причём среднего и даже старшего офицерского состава, оказалось много людей случайных, которые не то, что по своей подготовке (это даже не столько их вина, сколько их беда, что они не имели необходимой подготовки), но они по своим морально-

деловым качествам (многие) не соответствовали должностям. Они ещё могли каким-то образом успешно играть функции командиров мирного времени, но в военное время – в условиях вот этого постоянного морально-психологического стресса – многие из них не справлялись. Их нужно было просто заменять. А для того, чтобы выйти вот с этим ходатайством на то, что вот этого человека необходимо заменить ... Кто это мог сделать в тех условиях? – Только человек, который стоит рядом за ним и внимательно следит за его деятельностью, то есть военный комиссар. Хорошо это или плохо?

Ведущий: Но в 42-м году военные комиссары были отменены. В связи с чем? Почему?

Морозов: Как раз в связи с тем, что самим тем постановлением Государственного комитета обороны, которым институт военных комиссаров отменялся в октябре 42-го года, говорилось, что в условиях боёв с немецко-фашистскими захватчиками командирский корпус (тогда ещё не было понятия «офицерский» – оно только в 43-м появилось), командирский корпус Красной Армии закалился в боях и теперь командиры не нуждаются в таком контроле. И действительно, если мы посмотрим те процессы, которые происходили в кадрах Вооружённых Сил, мы увидим, что подавляющее большинство офицеров, которые приходили в армию в 42-м, 43-ем, 44-ом году, только очень небольшое количество лиц не были мобилизованы в 41-м году. Как правило, готовили офицеров либо из хорошо зарекомендовавших себя сержантов (для этого в составе каждой армии и фронта были созданы соответствующие учебные заведения, которые вот в тылу армии или фронта готовили их на краткосрочных курсах младших лейтенантов), различные курсы переподготовки, также те, кто был по мобилизации призван – лица, закончившие 9-ть классов, а в то время это считалось полным средним образованием – их тоже не послали в подавляющем большинстве на фронт

рядовыми солдатами, их сразу направили учиться в военные училища без прохождения вступительных экзаменов. И многие из них учились по ускоренным программам. Но многие окончили военные учебные заведения только в 43-м и даже в 44-м годах и только тогда попали на фронт. То есть притока именно призывников, которым там исполнилось 17-ть лет в 44-м году, на должности офицерского состава в Красной Армии в годы войны не было – были, так или иначе, люди, уже служившие, надевшие военную форму с 41-го года. Это позволило отобрать определённым образом наиболее достойных по своим морально-деловым качествам: преданность делу Ленина-Сталина, безусловно, и другим всем вопросам. И, да, действительно, в подавляющем своём большинстве командирский состав Красной Армии после этого перестал нуждаться в таком тщательном контроле. Он уже был отобран. Этот отбор был естественным в ходе оборонительных боёв.

Ведущий: Всё-таки какие-то положительные стороны вот этого периода времени, когда действовал институт военных комиссаров, какие-то положительные моменты были?

Морозов: Безусловно. Само по себе то, что комиссары играли вот эту вот роль – помогали отобрать лучших командиров – уже крупный положительный момент. Потом, ведь чего греха таить, опять же у нас многие те, кто пришёл служить в армию на командные должности – вот о ком я рассказывал – в начале Великой Отечественной войны или незадолго до её начала, попадали, в том числе, люди и случайные. От этих людей надо было избавляться ... Ведь и потом, когда этот институт военных комиссаров был отменён, случались такие эксцессы (да чего греха таить, и в современных Вооружённых Силах) ... Вот, допустим, командир части – он в своей части барин. Над ним есть, допустим, у командира полка над ним есть командир дивизии, но у командира дивизии своих забот навалом. А что происходит внутри полка? Кто об этом будет знать? Кто об этом

проинформирует? И вот из-за отсутствия такого контроля у нас зачастую бывают и дедовщина, и прочее всё. А в советское время у него был замполит, который по своей линии, по линии политорганов контролировал всё, что происходит в части, информировал соответствующие органы, была партийная комиссия, куда этого командира полка, члена КПСС, могли в случае, если он перегибает палку, пригласить и очень хорошо пропесочить рядовые коммунисты, которые в остальное время ему, как командиру части, подчиняются. Была определённая схема, которая позволяла ситуацию уравновесить. Потом эта схема была разрушена. В настоящее время этой схемы тоже нет. Есть помощники командира по работе с личным составом – специально вот эта вот добавка – «личным составом» – то есть с рядовыми бойцами-сержантами. Не с офицерами. Ведь раньше же замполит отвечал и за политико-моральное состояние офицерского состава и отвечал даже за командира части, хотя являлся заместителем, но всё равно за командира подразделения, за его моральный облик тоже нёс ответственность. Сейчас этого нет.

Ведущий: Спасибо Вам большое, Мирослав Эдуардович, за то, что нашли время и пришли к нам, ответили на вопросы наших зрителей. Я Вас благодарю за интереснейшую беседу. Очень надеюсь на дальнейшее сотрудничество с Вами.

Морозов: Спасибо.

Ведущий: Дорогие друзья, многое из того, что в СССР считалось неоспоримым и доказанным в течение последних 20-ти лет подвергается критике и сомнению. Одним из таких событий Великой Отечественной войны является легендарный подвиг 28-ми героев-панфиловцев. В современной России принято считать, что никаких героев не было и никакого подвига они не совершали. Наш зритель из Нижнего Новгорода Виталий Сметанников попросил нас внести ясность. Основным и возможно единственным специалистом по этому вопросу является

Куманев Георгий Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН. Георгий Александрович является автором монографии «Подвиг и подлог», посвящённой всестороннему и объективному исследованию легендарного подвига. Итак, мы представляем вашему вниманию интервью, которое дал нам Георгий Александрович

Куманев: Вот те окруженцы, если их так можно назвать, эти славные воины Брянского, Резервного и Западного фронтов, которые не сдались на милость врага, а сражались до последнего снаряда, до последнего патрона ... Можно себе представить! ... Ведь они в отдельные дни приковывали к себе от 28-ми, а в некоторые дни до 30-ти вражеских дивизий, которые топтались на месте и были не в состоянии наступать дальше на Москву, оставляя позади себя такую мощную окружённую группировку. Ещё я хочу добавить к числу тех подвигов, их было очень много свершённых нашим народом и его доблестной Красной Армией ... Это подвиг, который стоит в ряду легендарных подвигов – подвиг 28-ми гвардейцев-панфиловцев у разъезда железнодорожного Дубосеково в районе Волоколамского шоссе. Это тоже под Москвой. Можете себе представить, что их на левом фланге было вначале 29-ть, но, когда появились танки противника, один бросился с поднятыми руками вверх, и воины его тут же пристрелили как труса и предателя. Их осталось 28 на левом фланге – на острие. Но правый фланг полка – правый фланг – он отступил во главе с комиссаром полка Мухамедьяровым и командиром полка – полковником Капровым отступил на десятки километров. И воины левого фланга полка остались одни против 50-ти танков противника и роты пулемётчиков. И они на 4,5 часа задержали это вражеское наступление, подбив 18 танков. А остальные, как вкопанные, повернули обратно или остановились на месте. Считалось тогда, что все они погибли, когда узнала страна об этом подвиге. Но потом, к счастью, шестеро остались в живых. Я хочу назвать

их имена. Это Даниил Александрович Кожубергенов – связной политрука Ключкова, Иван Евстафьевич Добробабин, Григорий Мелентьевич Шемякин, Иван Демидович Шадрин, Илларион Романович Васильев. С ними со всеми я встречался. В разных местах они проживали. Трое проживали в Алма-Ате. Один из них в Цимлянске. Другой – в Кемерово. И когда у меня были туда по разным вопросам командировки, я с ними со всеми встречался. И каждый из них добавлял много интересного, нового в содержание этого подвига. Представляете, ещё раз подчеркну, на 4,5 часа эта танковая армада врага была остановлена! А можно себе представить, если мы, как этот трус-предатель или как отступившие (правый фланг) этого полка, тоже бы отступили, что бы стало с Москвой?! Можно себе представить, с оглушительным рёвом, с лязганьем гусениц эта танковая армада вырывается на Волоколамское шоссе и прямым ходом до Кремля. А дело ещё в том, что реальных сил, способных остановить эту армаду в Москве тогда не было. И были на подходе резервы. Резервы. И они успели прибыть, когда враг был остановлен, а потом и занял Дубосеково, этот район. Сейчас имеются, имеются кому не лень, всякие мифы, легенды. И дошло до того – и по телевидению объявили ... Объявил, например, нынешний директор государственного архивного фонда Российской Федерации Мироненко о том, что боя-то не было – это всё выдумка. На какой основе он такое заявил? А оказывается (я об этом давно знал) на основе того дела, которое имеется в этом архиве. Это состряпанное прокурорской бригадой, направленной в Панфиловскую дивизию весной 48-го года по указанию главного военного прокурора Афанасьева. Он вдруг узнаёт, что шестеро остались в живых (да и об этом в годы войны все знали). Мироненко тоже: «Вы знаете, они все в 48-ом году появились». Это он не знает, когда они появились ... А некоторые из них сражались уже после этого с врагом снова. И вот Мироненко, заявив о том, что боя не было, что это всё выдумка, он сослался на одно дело, которое имеется в

спецхране архива. Что это за дело? Это дело, состряпанное прокурорской бригадой по указанию генерал-лейтенанта юстиции Афанасьева – главного военного прокурора, который послал их ... Для чего? Развенчать этот подвиг. Почему? Потому что из шести – пятеро были в разное время в плену. Какие же это герои? Мы знаем указание товарища Сталина, что пленные – это чуть ли не полупредатели, а то и больше. И вот они заставили, угрожая, как только можно было, заставили одного за другим свидетелей этого боя признаваться, что боя не было. Например, журналист Кривицкий первый написал в «Красной звезде» 22 января 42-го года большую статью о подвиге героев-панфиловцев. Откуда у него этот материал? Он приехал в госпитали, разыскал тяжелораненного, подобранного нашими разведчиками рядового панфиловца, который был в этом бою, героя Советского Союза Ивана Моисеевича Натарова. И тот ему рассказал про весь бой – умиравший этот наш воин. И он, основываясь на этом рассказе, написал эту прекрасную статью. Так его прокуроры заставили, угрожая или Колымой, или Печорой, и что оттуда он больше не выйдет, если он не отречётся от своей статьи, которую он, видимо, сам выдумал ... Он сказал: «Да-да ... Я сам написал». Я ему потом позвонил, говорю: «Александр Юрьевич, что Вы наделали?». Он говорит: «Знаете, я как-то не хотел туда ехать. Мне же сказали: «Вы оттуда больше никуда не вырветесь и никогда». Вообще говоря, самая главная опора тех, кто фальсифицирует этот подвиг, кто этот подвиг оплёвывает и шельмует, – это опираются они на показания командира полка Капрова и комиссара полка Мухамедьярова. Но они в бою не были. Они отступили в начале боя. Правый фланг отступил вместе с командиром полка и комиссаром. Их немедленно отстранили от командования, и им грозил трибунал. А когда (это мне уже рассказал Георгий Константинович Жуков) Генеральный прокурор СССР Сафонов написал сопроводительное письмо Жданову и передал эту папку, которую привезли с собой эти члены прокурорской

бригады, тот посмотрел и сказал: «Что это такое? Всё сделано топорно. Шито белыми нитками. Оплевали, развенчали такой подвиг, на который равняется вся наша армия». И написал резолюцию: «В архив. В спецхран». И там это дело лежало и лежит до сих пор. И вот, представляете, это даёт повод разным директорам шуметь о том, что подвига не было и тому подобное. Это говорит о том, что люди не разобрались по-настоящему в истории этого подвига.

Ведущий: Пишите нам, и мы постараемся ответить на ваши вопросы в наших следующих передачах. Всего вам доброго.